

Дух на коне

Чем ближе прошлое, тем труднее разглядеть в нем историю. Просто в какой-то момент мужчины перестают носить шляпы, и мы догадываемся, что переехали из вчера в сегодня.

А рабская революция застала меня врасплох, и это не удивительно. Поразительно, что о ней не догадывались и те, кому положено. И это вновь убеждает меня в том, что им положено куда больше, чем они заслуживают. Главный секрет секретных служб заключается в их профессиональной непригодности. Ее оправдывает только свобода, то есть непредсказуемость.

Следя за революцией, я прихожу в философский ступор, потому что история с открытым концом — не история вовсе. Без конца она лишена структуры, а значит, и смысла. Ее нельзя нанести на ментальную карту, как реку без устья.

Устав переживать, я звоню в высшую инстанцию:

— Пахомов, что сказал бы Гегель, глядя в телевизор?

— Свобода — это осознанная необходимость.

— И кто победит?

— Как Наполеон: Дух на коне, то бишь на танке.

— А танк чей?

— Будущее покажет.

Но будущего — того, что вернет историю на свое место, — еще нет, и революция компрометирует его возможность. В час перемен непредсказуемость концентрируется до ощутимого, как электричество в грозу, предела, и я сторожу у экрана то грозное и упоительное мгновение, когда случайное окажется неизбежным — и незабываемым. История — как стоячая вода в морозный день, которая ждет камня, чтобы враз замерзнуть. Только тут наоборот — закипеть.

Я видел, как история стоит на ребре в эйфорическом 1989-м. Бухарест. Созванный партией официальный митинг. Привычная ко всему толпа на площади. И вдруг людская масса внезапно и необъяснимо подалась к правительственному балкону. И не устояв перед импульсом материализованной ненависти, Чаушеску попятился на полшага, ставшего роковым. Все остальное — крах режима, расстрел зловещей четы, новая Румыния — началось с нескольких сантиметров отступления. Тогда на наших глазах произошло чудо, подобное нынешнему: нисхождение Клио на землю.

Вся история — череда таких чудес. Как все сверхъестественное, их нельзя предсказать, разве что объяснить, но только задним числом. И в этом — надежда и ужас свободы.

Никакие мудрецы, включая сионских, не знают, что будет завтра. Эта нехитрая мысль верна всегда, но в дни революций она обретает ту пьянящую наглядность, что разваливает трезвые устои жизни. Оставшись без предсказуемого будущего, мы ищем опоры в прошлом, надеясь найти в нем панацею от свободы. История и впрямь помогает, но только тогда, когда мы верим историкам в меру.

В школе я не хотел, как все тогда, быть физиком. Мне тоже нравилась наука, но раздражал ее отказ отвечать на единственный волновавший меня вопрос: почему? Почему скорость света непреодолима? Почему ноль — абсолютный, вода кипит при ста градусах, а водке хватает сорока, чтобы горячить и радовать?

Убедившись, что мои вопросы незаконны, я ушел от бездушной, лишенной мотивов природы в гуманитарную сферу, одушевленную человеческими намерениями или божественным промыслом. Мой учебник, однако, и то и другое заменял законами исторического развития: «верхи не могли, низы не хотели». Мне всегда казалось,

что эта двусмысленная формула описывает не исторический процесс, а прогорающий бордель для престарелых. Не удивительно, что когда в нашем американском доме просели от книг балки, марксистских историков я выбросил первыми. Эйнштейн учил: «Объяснять мир нужно просто, как только возможно, но не проще». Эти же, спрямляя прошлое, упраздняли все те подробности, ради которых мы читаем историю, да и вообще живем.

Хуже, что другие историки оказались немногим лучше. Прочитав шкаф книг, я так и не узнал из них самого сокровенного. В конечном счете история — как физика: она излагает прошлое так, как будто оно не могло быть другим. Дойдя до коренных, переломных, судьбоносных, как сейчас, моментов, историки оказываются не в силах объяснить чуда.

Лучшие из них, делая историю умопостигаемой, плетут причинно-следственные сети, в которых так интересно барахтаться. Материальный мир проще и лучше духовного, и я страстно люблю собирать детали, из которых строится его прошлое. Историю стоит читать уже для того, чтобы узнать, как стремена рождали Средние века, а порох с ними покончил; как башенные часы запустили экономику, а трудодни ее похоронили; как косой парус открыл Америку, а лошадь ее завоевала.

Такая история не может надоест, потому что она бесконечна. Стоит только ниже нагнуться, как в знакомом откроется неведомое, словно клетки в листе под микроскопом. Путь этот, однако, ведет в одну сторону — сверху вниз. В обратном направлении знание становится верой. И чтобы вам ни говорили, от историков нельзя узнать по-настоящему важного: почему греки победили персов, а американцы — англичан? Почему Константин принял христианство, а Мухаммед — ислам? Почему пала Римская или, если на то пошло, советская империя?

Дело даже не в том, что их, историков, тогда не было. Очевидцы еще хуже. Я сам был таким, когда на исходе 1991-го приехал в Москву, чтобы проводить СССР. На Красной площади не было ни одной души, даже милиционерской. В столь же пустом небе тихо и быстро опустился красный флаг над Кремлем и тут же поднялся новый, трехцветный. Кажется, что, кроме меня, никто и не заметил, что Третий Рим закрылся. Не дождавшись крещендо, я пошел греться откровенно зеленой водкой из тархуна, которой угощали гостей оголодавшие в ту жуткую зиму хозяева.

В этом беда мемуаров. Их авторы слепы, как Фемида. Они судят будущее по настоящему. Такая тактика — единственно возможная, во всяком случае, для нас, людей, но это еще не история.

В своем дневнике Корней Чуковский обещает себе наконец заняться давно задуманным серьезным трудом: и время сэкономил, и денег накопил. Запись датирована октябрём 17-го.

Призвание историков в том, чтобы избавить историю от свободы и спасти нас от хаоса. Они справлялись с этим, заставив историю повторяться. Тираны и варвары, герои и развратники, полководцы и отравительницы — все они кочуют по эпохам и страницам, выполняя миссию, возложенную автором, ибо лучшие историки — писатели и моралисты. Они не корпели в архиве (хоть и могли), а сочиняли урок человечеству. В сущности, и Ливий, и Тацит, даже Гиббон — были гениальными компиляторами со сверхзадачей. Один наставлял Рим, другой обличал, третий, мой любимый, ему завидовал: «В своем стремлении возвыситься Рим жертвовал тщеславием ради честолюбия. Многие его строения были сооружены за счет частных лиц и почти все предназначались для всеобщей пользы, ибо искусства служили счастьем народа».

Великие историки приписывали истории умысел, которого она лишена по своей природе. Им тоже не нужно верить, но их можно любить. Инъекция цели придает повествованию стоическую нравственность, вызывает державную гордость, героический экстаз и белую зависть. Это значит, что история владеет искусством пафоса, который для другой литературы не проходит даром. Получается, что я люблю в истории то, что не прощаю остальным книгам.

Мне дорог Геродот за то, что он, как общительный пес, останавливается у каждого столба и рассказывает о нем все, что того стоит. Я люблю Тацита, зная, что понять его можно, лишь повертев каждую фразу, как кубик Рубика. И раз в пятилетку я перечитываю Плутарха, сумевшего уложить всю античность в полсотни интенсивных, как в Голливуде, сюжетов.

В моей библиотеке истории из уважения отведены застекленные полки. Они занимают ту нишу между нон-фикшн и вымыслом, в которую я всегда мечтал попасть. Опираясь на бесспорно происшедшее, история строит из него воздушные замки — с придуманными речами, идеальными героями и выбранными за экзотичность деталями. В сущности, такая, классическая, история — альтернативная реальность, научная

фантастика, обращенная вспять. («Спинтрийцы» Светония, как «сепульки» Лема, так поразили мое неопытное воображение, что я еще первокурсником купил латинский словарь, надеясь прочесть абзац, стыдливо оставленный без перевода.)

У истории есть все, чему она научила младшую сестру — прозу. Собственно, история ею и была, пока словесность не изобрела романы, что хуже — исторические. Отчасти их даже жалко. Они, словно заранее извиняясь за свою второсортность, указывают на смягчающее вину обстоятельство — не полноценный роман, а исторический. Он и впрямь вправе рассчитывать на снисхождение ввиду пользы для подрастающего поколения, которое, как это случилось со мной в третьем классе, сможет узнать из книги «Батый», каким образом монголы ломали хребты пленным витязям. Подобные книги пишут по карточкам, и они не приносят вреда, если их не путать с настоящими. Никому ведь не придет в голову назвать историческим романом «Капитанскую дочку» или «Три мушкетера», или «Войну и мир».

Правда, Толстой, сочиняя свою эпопею, однажды попросил о помощи, но когда доброхоты привезли ему телегу книг, он оставил их неоткрытыми и решил писать, как бог на душу положит. То, что вышло, — не история, а жизнь, универсальная и штучная. У Толстого все персонажи похожи на нас и не похожи друг на друга. Даже Достоевскому это удалось только наполовину. Его героини суть одна и та же павшая красавица: меняются имена и масть, но не роль и характер.

Из всех исторических романов лучший, по-моему, «Сатирикон». Но не тот, который написал Петроний, а тот, что поставил Феллини. Как всякая подсмотренная жизнь, его фильм без конца и начала. Мы вброшены в прошлое безмозглыми соглядатаями. И все, что нам удалось из него вынести, — случайное, непонятное и отдающее истиной. Возможно — вспомним Германа! — что такая степень исторической достоверности вообще доступна лишь кинематографу, который умеет не только имитировать реальность, но и наводить сны. И тогда прав Анджей Вайда. Предваряя показ «Катыни», он сказал: «История становится частью национального сознания тогда, когда о ней снимают кино».

Прошлое — вопреки тому, к чему нас склоняет эрудиция, — так же таинственно, как настоящее. И чем меньше мы о нем знаем, тем легче писать его историю.

Литтон-Страчи, автор знаменитой книги про викторианцев, начал ее парадоксом: «История викторианской эпохи никогда не будет написана: мы знаем о ней слишком много».

Чем ближе прошлое, тем крупнее растр. Чем ближе прошлое, тем труднее разглядеть в нем историю. Просто в какой-то момент мужчины перестают носить шляпы, и мы догадываемся, что переехали из вчера в сегодня. Поэтому, знаю по себе, трудно писать о том, что многие помнят — не так, как ты. Выход в том, чтобы историк, как поэт, настаивал на своем.

Во всяком случае, так делал Черчилль: «История будет ко мне благосклонна, потому что я намерен ее написать». Но мне больше нравится не его скучноватый опус о Второй мировой войне, а тот, где описан мир, каким он был еще до Первой.

Глядя на портреты и статуи тучного Черчилля, легко забыть, что по профессии он был кавалеристом. Черчилль не пропустил ни одной — и не только британской — войны, но с восторгом он описывает только парады. Будучи кадровым военным, Черчилль ненавидел войну за то, что она пачкает мундиры. В те времена флотские офицеры за свой счет золотили заклепки и не хотели палить из пушек, боясь изгадить палубу. Вот почему в той истории («Мои ранние годы»), которую Черчилль написал для себя, главным событием стала победная чакка во всеармейском состязании британской Индии. Его Дух на коне играл в поло.

Автор: Александр Генис © Новая газета ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 2896 12.03.2011, 13:36 400
URL: <https://babr24.com/?ADE=92251> Bytes: 11284 / 11284 Версия для печати Скачать PDF

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

[Связаться с редакцией Бабра:](#)

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Александр
Генис.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

